

РЕАЛИЗАЦИЯ СМЫСЛА В РАМКАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

Сложность описываемой действительности находит свое выражение не только в структуре описания, но и в форме описания. Отношение между языком и событием должно включать в себя: язык; структуру языка, образующую языковое соответствие с событием; форму выражения события; структуру события; элемент (объект = x), формирующий общность события и языка. Простейшим отношением между событием и языком является предложение. Предложение при таком подходе — совсем не единица языкового и речевого выражения происходящего события, а общность языкового и событийного основания. Говоря другими словами, предложение становится способом удержания отношения в структуре события и языка, поэтому предложение в таком значении — не только языковая данность. Предложение, рассмотренное в системах речи и языка, есть простое выражение, но не события или отношения, а самой структурированной языковой действительности. Предложение в его логической форме является суждением. Единство рационального (суждение) и его значения (его структура), данное в предложении, но не как в форме, а как в системе отношений, позволяет выразить качественно новый статус объекта, связанного с предложением. Предложение адекватно объекту именно в той степени, в какой оно позволяет снять противоречия внутреннего и внешнего (представления события и самого события).

Любое научное исследование сводится к рациональной форме, но рациональность науки — это не рациональность логического суждения. Эмпирия и теория в науке не буквально соответствуют чувственному и рациональному в познании, основание для перехода между ними может быть выражено в форме предложения (в описанном смысле), при этом предложение должно получить определенность иного качества, а не выражаемой в нем языковой данности. Так должны быть воссозданы:

- событие, связанное с предложением;
- языковые структуры, выражающие значение;

- тип рациональности, в котором логическое суждение выражает «одно», научное — «иное»;

- внешнее и внутреннее отождествление события.

Поэтому в любом случае необходим анализ и логической составляющей, закладывающей основание возможной рациональности. Логика, в том числе и логика научного исследования, обладает особой спецификой, о которой Х. Вайхандер сообщает следующее: «Организованная деятельность логической функции втягивает в себя все ощущения и строит свой внутренний мир, который последовательно отходит от реальности, сохраняя с ней в некоторых точках такую тесную связь, что происходят непрерывные переходы от одного к другому, и мы едва замечаем, что действуем на двойной сцене — в нашем собственном внутреннем мире (который мы, разумеется, объективируем как мир чувственного восприятия) и, одновременно, в совершенно ином, внешнем мире»¹. Точное построение возможных точек перехода мы можем осуществить только при помощи языка. Предложение, будучи субъектной формой удержания события, создает и логическое содержание возможного перехода — суждение.

Значение и смысл определены не только событием, но и отношением, возникающим между событием и языком. В предложении они реконструируются в силу того, что они не предзаданы самим предложением, а занимают свое место через корреляцию предложения и события. Событие, выраженное в предложении, предполагает совершенно иную структуру значимости и значений предложения, связанную как с событием, так и с отношением между предложением и событием, а вовсе не простейшую языковую структуру, которой и является предложение, если мы берем его как таковое, а не в системе исследования. «Предложение» (мы заключаем в кавычки этот термин, чтобы была возможность удержания качественно иной формы указанного понятия) в системе научного исследования приобретает совершенно иной вид. Любая научная дисциплина, создающая качественно иное знание и смысловую определен-

ность, с необходимостью должна раскрывать имевшее место событие в структуре «предложения» (в описанном значении), а иначе фиксация результата исследования в устойчивой форме невозможна, так как необходимо точно выразить отношение между предложением и событием, которое обладает эффектом (эффектами) как способом манифестации себя вовне, в том числе в форме «описания». Эффект — это квазипричина, подчиняющаяся законам, выражающим единство и смешение факторов и фактов, от которых эффекты зависят как от реальных причин. Закономерности науки носят непричинный характер, так как чаще всего здесь налицо разрыв причинно-следственных связей. Логика детерминизма, взятая как причинность, не объясняет возникающие события. З. Вендлер в 1967 г. определил, что причины — факты, а не события, поэтому за причиной не признается наличие какого-либо онтологического содержания². Причины не могут быть внезапными, быстрыми, неожиданными, предусмотренными, продолжительными и т.д. Любая наука в качестве своего основания не может не рассматривать факты. Эффект как воспроизводящее причинность основание легко встраивается в систему научного исследования. Эффект воспринимается в процессе научного исследования как причинная связь (по форме), но на деле мы используем (создаем) только причинность описания (обладающего фиксированной формой), а не причинность события, что позволяет избежать ловушки тождественности. Установление и определение эффектов, сопряженных с событием, позволяет выразить возможные отношения события и создать результирующее основание.

Э. Гуссерль видит различие между психологией, занимающейся проблемами сознания, и философией, занимающейся теми же проблемами, в том, что, во-первых, психология — опытная наука; во-вторых, психология — это наука о фактах; в-третьих, психология — это наука о реальностях, ее феномены — реальные происшествия, если они действительно существуют, то включаются вместе с реальными субъектами, которым они принадлежны, в один и тот же пространственно-временной мир³.

Если мы говорим о сознании в терминах феноменологической философии, а не психологии, то:

— чистая феноменология получает свое обоснование не как наука о фактах, но как на-

ука о сущностях, как наука, которая намерена констатировать исключительно «познания сущности» — никакие не факты;

— феномены трансцендентальной феноменологии получают свою характеристику в качестве ирреальных, редукции «очищают» психологические феномены от того, что придает им реальность и тем самым создает их включенность в реальный «мир»;

— феноменология становится сущностным учением не о реальных, но сущностным учением о трансцендентально редуцированных феноменах.

Все эти соображения показывают, что «реальность» как фактор рассматриваемого события не может быть воспринята в виде основания события, так как существуют разные формы удержания события, например факты и сущности. «Реальность» — совсем не эффект события, поэтому простое включение события в «реальность» не является адекватной формой определения события. Эффект внешнего выражения реализуется в виде изначального отделения факта от сущности, только тогда возникает соответствующая форма события, дающая возможность соотнести событие с отношениями, в том числе возникающими и в системе языка. Форма события в данном случае связывается посредством простейшей классификации наук, где можно выделить науки о фактах и науки о сущностях.

«Предложение» в равной степени охватывает область и тех, и других наук. Отношения, выражаемые через «предложение», раскрывают значимость события независимо от того, относится событие к фактам или к сущностям. Качественно новый эффект (в указанном ранее значении) возникает при отношении события и «предложения». «Предложение» и создает единство формы события, подразумевающее и факт, и сущность. «Предложение» оказывается одновременно и реальным, и нереальным, также «предложение» может удерживать форму реальности или нереальности, т.е. в «предложении» его собственными средствами, а не средствами события создается модель реальности и нереальности. Изучая «предложение» в его отношении с событием, реальностью и нереальностью, мы создаем общность, соотнесенную с событием через собственные средства «предложения». «Предложение» оказывается механизмом для формирования системы понимания и для включения события в

область, где на равных существуют реальное и нереальное, сущности и факты.

Сейчас мы опишем, какие отношения с событием выражаются посредством «предложения». Событие в свою очередь сопряжено с эффектами, что и позволяет включить производимые событием эффекты в структуру «предложения» и, следовательно, моделировать систему научного знания, а не простого описания действительности. При этом мы стремимся удержать основания гносеологической и логической форм исследования как данности в системе рациональности, что и образует программный аспект научного исследования.

Первое отношение называется денотацией (обозначением) или индикацией (указанием). Денотация говорит об отношении «предложения» к внешнему положению вещей, вещь оказывается индивидуализированной, то же относится и к положению вещи, оно также индивидуализируется. Слово связывается с образами, которые «представляют» положение вещей. В логическом плане критерием денотации выступает ее истинность или ложность. «Истина» денотации обозначает, что положение вещей эффективно заполняет соответствующую им денотацию, индексы реализованы, образ подобран правильно. Формируется статус «предложения» как отображающего полноту и наполненность образного соответствия. Если возникает «истина во всех случаях», то заполняется весь ряд образов, соотносимых со словами, отбор здесь не требуется. «Ложь» денотации обозначает, что денотация не заполняется либо из-за дефектов избираемых образов, либо из-за невозможности создать образ, объединенный со словами. Логический операнд выступает как способ построения образа положения вещей в системе реализации отношения денотации.

Второе отношение «предложения» называется манифестацией. Это связь между «предложением» и субъектом, который говорит и выражает себя. Субъективность субъекта подразумевает наличие желания и веры, соответствующих «предложению». В этом отношении желание раскрывает внутреннюю каузальность образа, относящегося к объекту, а не эффекты, представленные как псевдокаузальность. Вера — предвосхищение объекта, существование которого задается внешней каузальностью. Именно благодаря манифестации денотация становится возможной, а умозаключение обеспечивает единство, порождающее ассоциацию

слов и вещей. Умозаключение, сделанное на основании связи причины и следствия, предшествует самой причинно-следственной связи. Говоря другими словами, формируется и оформляется область «личного», из которой и происходят все возможные денотации. Перенос отношения в область «личного» создает определенность «Я» в отношении события и «предложения», что изменяет логическое выражение отношения в виде замещающего присутствия, где вместо «истины» и «лжи» возникают «достоверность» и «иллюзия», данные в области личного соответствия, а не данности денотата. Исчезает данность вещи, которая начинает измеряться не в свойствах и отношениях, а как результат манифестации «Я» в *cogito*, что обосновывает суждение обозначения, благодаря которому происходит идентификация как таковая.

Третье отношение называется сигнификацией (значением). Это связь слова с универсальными или общими понятиями, а также отношение синтаксических связей к тому, что заключено в понятии. Сигнификация определяется тогда, когда «предложение» вводится как элемент доказательства в самом общем виде: либо как посылка, либо как заключение. Возникает импликация — знак, определяющий отношение между посылками и заключением, следовательно, как знак суждения, задающий возможность самого утверждения как вывода из того, что заключено в понятии. Значение «предложения» обнаруживается посредством соответствующей ему косвенной процедуры, через его связь с другими «предложениями», из которых оно выводится или, наоборот, которые можно вывести из него. Логически все это выражается не как «истина», а как условие «истины», при соблюдении его «предложение» является истинным. Сигнификация задает не только «истину» предложения, она тем самым продуцирует возможность ошибки. Условия истинности (сигнификации) противостоят не «лжи», а «абсурду», тому, что существует без значения, или тому, что не есть ни «истина», ни «ложь».

Из всего изложенного следует, что если мы предполагаем первенство сигнификации над денотацией, возникает проблема: «предложение» делается объектом утверждения. Мы утверждаем «предложение» независимо от посылок. Сигнификация не бывает однородной, а знаки «имплицитует» и «следует» полностью разнородны. Существует бесконечный разрыв между предпосылкой и заключением, который

мы можем заполнить только различными степенями приближения. «Предложение», связанное сигнификацией, образует круг: денотация, затем манифестация, затем сигнификация и обратно. Замкнутость не возникает, если мы рассматриваем ее как процесс приближения, но если мы следуем за отношениями в «предложении», возникает бесконечный круг, не создающий определенности и завершенности.

Отсюда следует необходимость четвертого отношения: «предложение» — это смысл. Смысл — бестелесная, сложная, нередуцируемая ни к чему иному сущность на поверхности вещей; чистое событие, присущее «предложению» и обитающее в нем. Эффект (о котором мы писали) и есть поверхность вещи, но поверхность, связанная определенностью места. Смысл понятийно должен быть выражен только как эффект места. К сожалению, понятие по своей форме не в состоянии выразить подобные отношения. Г. Фреге отмечал: «Смысл — это путь, которым люди приходят к имени»⁴. Имя есть сущностная характеристика явления, позволяющая снять противоречия глубины и поверхности, но наша задача ограничивается созданием логико-смысловой базы исследовательской программы, при помощи которой может быть раскрыт смысл. «Предложение», будучи по своей логической форме суждением, позволяет снять ограничения понятия, но при этом усложняет структуру познания. Выделяя в «предложении» смысл и тем самым ограничивая исследовательскую программу им, мы создаем непонятную форму результата исследования.

Реконструкция смысла задает качественно новую исследовательскую программу, так как в ней снимаются противоречия фактов и сущностей. Смысл как отношение вводит в структуру исследования «реальность», но в особой форме (здесь — это субъектно-объектный критерий исследовательской программы), как способ корреляции между сущностями и фактами. Создается общность ментально-реальная по своей природе, но для выражения этой общности необходимы соответствующие механизмы. Понятия и категории выражают логическую форму закона, в них нет соответствующего механизма для выражения реальности (исследовательской программы), поверхности, мест и эффектов. В интересах реализации исследовательской программы, осуществляемой в рамках смысла, необходимо использование первичного основания, которое выступало бы вместо понятия при смысловом, а не логическом

выражении закона. Иначе и не может быть выражено событие, несущее в себе смысл как эффект. Внесобытийной формы для смысла не существует. Сигнификация, манифестация, денотация — это способы приближения к смыслу, разлитому по поверхности. Правильно определить место поверхности и саму поверхность эффектов можно только используя не понятие, а форму понятия в виде событийного основания.

В математической логике существует термин «концепт» — так называют содержание понятия, что делает его соотносимым со смыслом и выражающим смысл, ибо смысл, как мы увидели, — эффекты события, возникающие в отношении поверхности. Концепт выражает структуру (в структуралистском понимании), а не содержание (сигнификацию, денотацию и манифестацию). В концепт оказывается «вжатым» событие, породившее эффекты и давшее поверхность. Концепт дает общность для игры эффектов не как совокупность констатируемых фактов, а как переход от фактов к сущностям и наоборот в присутствии оживляющего их события. Концепт тем самым встраивается в неограниченное становление. Необходимо отметить, что идеальное и реальное в неограниченном становлении образуют единство. Ж. Делез фиксирует следующее содержание неограниченного становления: «Неограниченное становление само становится идеальным и бестелесным событием как таковым с характерной для него перестановкой прошлого и будущего, активного и пассивного, причины и эффекта, большего и меньшего, избытка и недостатка, уже есть и еще нет. Бесконечно делимое событие всегда двойственно. Непременно лишь то, что уже случилось или вот-вот случится, но не то, что происходит. Будучи бесстрастным, событие позволяет активному и пассивному довольно легко меняться местами, поскольку само не является ни тем, ни другим, а, скорее, их общим результатом»⁵.

Э. Корзибски пишет: «...следует отметить важные характеристики карт. Карта — не территория, которую она представляет; но если это правильная карта, ее структура подобна структуре территории, что и служит объяснением ее полезности...»⁶. Концепт позволяет отобразить структуру явления, тем самым вводя событие в систему познания. Правильно выбранный концепт создает точку перехода между системой имеющегося знания и самим событием. Возникает измененное состояние реальности, которое дает возможность правильно определить и выявить

тенденции развития, не создавая новых привлеченных форм описания, используя только сущностную выраженность.

Концепт является не чем иным, как формой удержания ускользающего события, задающей событию сущностные ограничения в структуре изменяющихся фактов. Концептуальное выражение «реальности» позволяет удержать ее содержание. Возникает возможность анализировать явление не только в его непосредственной данности, но и по реализуемым эффектам. «История» события встраивается в форму его концептуального выражения, тем самым раскрывается смысл, но не локально, а в форме отношений, указывающих на эффекты или их предвосхищающих. Возникает возможность иной формулировки законов, так как преодолеваются категориально-понятийные (сигнификационные) ограничения. Смысл оказывается представленным и фактами, и сущностями, тем самым оформляется основание для междисциплинарного подхода к изучению проблем, фактор «реальности» в которых носит вариативный характер и не выражен в имеющейся системе значений. Происходит предвосхищение основания («реальности»,

эффектов), но при помощи средств смысла и структуры. Создается поле смысла, данного по поверхности, месту поверхности, по эффектам события, или, говоря другими словами, определяются качественно иные основания исследовательской программы, что позволяет удержать «предложение» в событии, снимая возможные противоречия соотнесения. Исследование приобретает законченную форму, так как его программа разрешает противоречия внутреннего и внешнего, значения и смысла, не обращаясь к внешним источникам, а при помощи заложенных в его структуру внутренних концептуальных механизмов смысла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Vaihinder H. The philosophy of as if. P. 149.

² Вендлер З. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18.

³ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999.

⁴ Frege G. Uber Sinn und Bedeutung. Leipzig, 1972.

⁵ Делез Ж. Логика смысла. М., 1995.

⁶ Korzybski A. Science and sanity. P. 35.

А.А. КУЗЬМИЧЕВА

кандидат философских наук,

доцент Иркутского государственного технического университета

СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТУАЛИЗМ ХАО ВАНА: АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ

Актуальность анализа взглядов Хао Вана¹ (1921–1995), американца китайского происхождения, вызвана рядом причин. Будучи одним из влиятельных логиков и методологов науки в США, он считал себя противником неопозитивизма, сторонником материализма К. Маркса и диалектической логики Г. Гегеля.

На его философские взгляды существенное влияние оказали американская аналитическая философия и марксизм, а также маоизм, неопозитивизм и прагматизм². Своеобразное сочетание теоретических источников породило и

своеобразную философскую доктрину Вана, которую он назвал *субстанциональным фактуализмом* и считал одновременно и своим мировоззрением, и своим методом познания мира.

Целью философии, по мнению Вана, выступает познание мира для удовлетворения общечеловеческих потребностей³.

Каковы же основы онтологии и гносеологии Вана, как им решается вопрос о первооснове и познаваемости мира? Прямых ответов он не дает, но признает, что в основе мира лежит